

Наставник Чай Цзиань и впрямь принялся испытывать учеников в стихосложении и написании од-фу. Цзин Юньшу не числился среди его воспитанников, а потому благополучно избежал этой участи. Однако большинство собравшихся здесь молодых людей обладали истинным талантом, и в отличие от него, старавшегося держаться от учителей подальше, они видели в происходящем редкий шанс.

Янчжоуская государственная школа была велика, а глава Чай не баловал учеников частыми занятиями. Возможность поговорить с ним, а тем более заслужить его благосклонность выпадала раз в жизни. Одно удачное стихотворение, одна блестящая ода — и в кармане рекомендательное письмо. С такой бумагой в столице откроются любые двери, облегчая путь к великим учёным мужам, а если повезёт — то и к самому императору. Неудивительно, что юноши так рвались проявить себя.

Поняв, что до него никому нет дела, Цзин Юньшу незаметно выскользнул из зала. Миновав анфиладу комнат, он наткнулся на небольшую лестницу в пять ступеней и поднялся. Там его встретил уединённый покой с тремя кушетками. Перед ними на изящных столиках для благовоний покоились цини, а за спиной темнели резные решётчатые окна. Юньшу толкнул одну из створок.

За окном расстился сад. В унылые предновогодние дни двенадцатого месяца вся зелень давно поникла и увяла, отчего цветущая слива-мейхуа казалась особенно яркой и одинокой. Сама же башня, как выяснилось, высилась прямо на искусственной скале у берега озера. Вокруг стлалась дождевая дымка, от воды поднимался влажный пар. Удивительно — поднимаясь сюда, Юньшу даже не заметил, как изменилась высота. Столь тонкая игра с пространством заставила его мысленно восхититься мастерством безвестного зодчего.

— Ну как тебе вид? — раздался за спиной голос Мао Юна.

Его юный слуга остался ждать за бамбуковой занавесью. Служанка расторопно наполнила пиалы свежим чаем и бесшумно удалилась.

Юньшу прикрыл створку окна и, повернувшись, опустился на кушетку.

— Пелена тумана, тихий дождь... Истинная картина тушью.

Мао Юн небрежно запахнул полы халата и полулёг на соседнее ложе с видом человека, привыкшего ни в чём себе не отказывать.

— Что там за нелады с Шэнь Эрланом и четвёртым господином Ваном?

Юньшу тихо рассмеялся:

— Пустяки. Просто пара глупцов, которым не мешает хороший урок.

Мао Юн слишком хорошо знал его характер — если бы Юньшу требовалась помощь, он не стал бы церемониться и попросил бы прямо. А раз смолчал, значит, действительно справится сам. Не став развивать тему, хозяин сада заговорил о другом:

— Корабль, на котором принц Чу везёт нефритовое изваяние горы, предоставлен ведомством речного транспорта.

— Ведомством речного транспорта? — Юньшу задумчиво провёл пальцами по шёлку, укрывавшему цинь. — Если память мне не изменяет, сейчас им руководит бывший генерал Левой доблестной гвардии Чэ Цзинцай. Полгода назад он открыто выступил против того, чтобы государь возвышал клан Цао, навлёк на себя высочайший гнев и был сослан сюда.

— У тебя отменная память, Сан-лан, — подтвердил Мао Юн. — Это именно он.

Теперь ниточки сходились в один узел. Клан Цао поначалу искал союза со вторым принцем, Цзинь-ваном, рождённым Благородной супругой Линь. Однако тот оказался безнадёжным повесой, которого политика заботила меньше всего на свете — его манили лишь вино, женщины да праздность. Нынешний император, хоть и слыл жестоким тираном, ленивым не был. Главной страстью владыки оставались поиски бессмертия; злоупотребление алхимическими снадобьями на основе тяжёлых металлов изрядно подточило его душевное здоровье, сделав подозрительным и скорым на расправу. Собственного сына, этого ленивого бездельника и предводителя столичной золотой молодёжи, он терпеть не мог.

Клан Цао быстро понял, что через Цзинь-вана им не пробиться к власти. Используя его связи как трамплин, они переметнулись к пятому принцу — принцу Ци, сыну Добродетельной супруги Шангуань, и сумели снискать милость государя. Генерал Чэ Цзинцай в своё время пытался помешать этому возвышению, прямо указывая на бездарность ставленников Цао, за что и поплатился ссылкой на реку. Теперь, если драгоценная нефритовая гора пойдёт ко дну или пострадает в пути, виновными объявят и устроителя перевозки — принца Чу, и начальника переправы — Чэ Цзинцай. Одним ударом убрать двух неугодных людей... Тонкая, иезуитская игра.

Цзин Юньшу задумчиво прикрыл глаза.

— Значит, генерала Чэ они в покое не оставят.

Юньшу так хорошо помнил этого воина неспроста. Несколько лет назад, когда на юго-западе разразился голод, а следом за ним пришла моровая язва, именно генерал Чэ Цзинцай, не имевший к тем краям никакого отношения, самовольно повёл ополчение округа Линнань, чтобы доставить в охваченную бедой провинцию продовольствие и лекарства. То была истинная помощь свыше. Через генерала Яня он несколько раз встречался с ним и глубоко уважал этого прямодушного, благородного человека. Допустить, чтобы честного офицера растоптали придворные крысы, он не мог.

Мао Юн обладал живым умом и мгновенно уловил суть:

— Сан-лан, хочешь сказать, принцу Чу готовят ловушку?

— Лишь догадка, — отозвался Юньшу. — Но времени осталось всего ничего, нужно ухо держать востро. Сначала я должен переговорить с самим принцем Чу, а там решим, как быть.

Мао Юн смерил его подозрительным взглядом:

— Ты ведь отродясь не совался в чужие дразги и государственные дела. С чего вдруг такая забота о принце Чу?

Юньшу мягко улыбнулся и полушутя ответил:

— Наверное, потому... что он угостил меня яблоками в карамели.

— Чего?! — возмутился Мао Юн. — Да я тебе столько дорогих подарков надарил, а ты из-за какого-то грошового лакомства готов горы свернуть!

— И всё-таки мастерство четвёртого господина Вана непревзойдённо! Сам наставник не скупился на похвалы, — внезапно донёсся из коридора звонкий голос Шэнь Эрлана.

Судя по шагам, компания приближалась к их покоям. Голос Шэня зазвучал отчётливее:

— «Куда ручей уносит краденый нежный аромат? Тропинки сада Су вминают благовонный прах в дорожную пыль»... Этот глагол «крадет» — сущая находка, просто блеск!

Цзин Юньшу переглянулся с Мао Юном.

— Весьма недурно, — тихо заметил он.

Речь явно шла о лепестках сливы, уносимых ручьём и медленно смешивающихся с землёй у корней. Перед глазами невольно вставала меланхоличная картина уходящей зимы. «Что ж, у Вана Четвёртого и впрямь есть поэтический дар», — мысленно признал он.

— Кажется, они закончили. Пойду засвидетельствую почтение главе Чай, — Мао Юн поднялся и церемонно сложил руки.

— Не спеши, — Юньшу тоже встал. — Какое состязание поэтов обходится без награды? Вели слугам принести тот набор нефритовых шашек для го. Пусть послужит главным призом.

Мао Юн, дороживший этой вещицей, недовольно поморщился:

— Собрание устраивает принц Чу, почему отдуваться должен мой кошелёк?

Юньшу усмехнулся:

— Он человек военный, откуда ему знать такие тонкости? К тому же он сам куда-то запропастился. Отдай им шашки, а я взамен подарю тебе забаву куда интереснее.

Мао Юн азартно блеснул глазами:

— Интереснее? Это что же?

— Маджонг. Ступай, позже покажу, как в него играть, — Юньшу кивнул на боковую дверь. — Выходи отсюда потихоньку. Не хочу, чтобы праздные зеваки узнали, что я здесь, и испортили мне вечер.

Мао Юну только и оставалось, что уйти через задний двор, чтобы обогнуть павильон и вернуться к гостям с парадного входа. Негоже оставлять столь почтенного гостя, как Чай Цзиань, в одиночестве.

Едва шагнув за порог, Мао Юн нос к носу столкнулся с высоким мужчиной в глубоком тёмном халате. По развороту плеч и твёрдой поступи в нём сразу угадывался боевой офицер, однако тончайший дорогой шёлк выдавал высокое происхождение. Он прекрасно знал, кто сегодня почтил его сад своим визитом. Особое внимание привлекал длинный бумажный свёрток, который незнакомец бережно держал в руке.

Сообразив, кто перед ним, хозяин сада шагнул вперёд и вежливо поклонился:

— Приветствую Его Высочество принца Чу. Я Мао Юн, владелец этих скромных угодий.

У Чэнсюань поспешно передал свёрток идущему следом слуге и ответил поклоном:

— Рад знакомству, почтенный мастер Мао. Благодарю за то, что предоставили свой чудесный сад для нашего скромного собрания.

— Пустяки, Ваше Высочество, для меня это великая честь, — с улыбкой отозвался Мао Юн. — Желаете пройти в Кабинет Обнимающих Деревьев? Там как раз завершилось поэтическое состязание, и среди гостей присутствует глава нашей школы господин Чай.

Заметив, что принц заколебался и промолчал, Мао Юн догадался, что высокому гостю не слишком хочется общаться со спесивыми столичными умниками. Вспомнив недавние слова Юньшу, он лукаво прищурился:

— Мой близкий друг, третий молодой господин Цзин, сейчас отдыхает в самом дальнем покое. Я как раз направляюсь к наставнику Чаю, так что позвольте откланяться.

У Чэнсюань мало что знал о главе Чай Цзиане — военному человеку были чужды чиновничьи авторитеты, но имя Цзин Юньшу мгновенно заставило его встрепенуться.

— Благодарю вас, — кивнул принц.

Сзади, тяжело отдуваясь, их нагнал наставник Шэнь Сунсюнь:

— Ваше Высочество! Покидать поэтический пир в самый разгар... Это же просто непозволительно!

Идущий следом Ду Хэн взмолился:

— Ох, учитель Шэнь, пощадите! Вы твердите это от самых ворот!

Шэнь Сунсюнь обернулся к нему с гневной отчиткой:

— Послал же бог помощника! Если уж так приспичило купить эти яблоки в карамели, мог бы и сам сбегать! Зачем Его Высочество с собой потащил?

— Да я-то тут при чём? — Ду Хэн развёл руками с самым невинным видом. — Наш господин сам упёрся. Твердил, что должен лично выбрать самые крупные и сладкие плоды для молодого господина Цзина. Разве я мог ему перечить?

Старый учитель Шэнь прижал ладонь к груди, скорбно вздохнув:

— О боги... У меня от одного вашего вида в груди защемило. Будто незрелой дикой алычи наелся — и кисло, и горько.

В главном зале тем временем царило оживление. Собравшиеся вокруг стола литераторы наперебой осыпали Ван Вэньсюаня похвалами. Он принимал лесть с величавым спокойствием, неторопливо потягивая чай, задумчиво разглядывая кружащиеся на дне чаинки, и смотрел с холодным высокомерием.

— Любопытно, — небрежно бросил он, — какое же стихотворение мог бы явить нам этот хваленый Цзин Юньшу?

— Да какая разница! — фыркнул Шэнь Эрлан, чья обида на него ничуть не утихла. — Он ведь сам признал, что недостойн зваться поэтом. Куда этому выскочке до вашего таланта!

Гости согласно закивали.

Ван Вэньсюань слегка усмехнулся, пряча иронию за пиалой. Поставив её на столик, он покачал головой с напускной строгостью:

— Ну что ты, брат Шэнь. Человек просто проявил вежливость и скромность, а ты уже поспешил с выводами.

Шэнь Эрлан опешил, но тут же злорадно прищурился:

— Скромность? Ха! Да этот проходимец просто цену себе набивает. Известно ведь: два сапога пара. Моя тётушка, Благородная супруга Вэй, сказывала, что принц Чу — обыкновенный солдафон, у которого в голове одна казарменная труха. Вы только посмотрите, как убого они играли в го! Какого ума можно ждать от оборванца Юньшу, который ютится в нищем монастыре? Поэзия? Да ему только заупокойные сутры малевать! Помните, как он золото из воды выуживал? Нищета беспросветная. Наверняка сегодняшнее платье — лучшее, что у него есть, последнее из сундука достал. Что ж, когда у меня в доме случится траур, я не поскуплюсь — позову его переписывать священные тексты да подкину пригоршню медяков из жалости. Будет ему подспорье.

Шэнь залился хриплым смехом. Кое-кто из подхалимов поспешил угодливо подхватить хохот, но более достойные молодые люди лишь нахмурились, посчитав подобные шутки откровенно гнусными и недостойными благородных мужей.

У Чэнсюань, стоявший у дверей, помрачнел. Он опасно блеснул глазами, и уже шагнул вперёд, намереваясь лично проучить наглеца, как вдруг из глубины покоя донёсся звонкий удар — что-то с грохотом разлетелось вдребезги. Принц резко отдернул занавесь и вошёл.

Кушетки были пусты. За резной ширмой стоял Цзин Юньшу. Его стройная фигура казалась напряжённой, а сам он смотрел на стоявшего за бамбуковой шторой Шэнь Эрлана с настоящей яростью.

У его ног сияли белизной осколки разбитой фарфоровой чаши.

Литераторы в зале, не ожидавшие, что их грязные речи кто-то подслушивает, испуганно притихли. Повисла звенящая тишина. Из соседних комнат на шум стали подтягиваться другие гости.

Шэнь Эрлан, узнав Юньшу, мгновенно вспыхнул и закричал, пытаясь скрыть собственный испуг за наглостью:

— Юньшу! Ты что себе позволяешь?!

Он шагнул из-за ширмы, его голос звенел от ярости, точно сталь:

— Собрание устроил принц Чу! Если вам здесь не по нутру — никто не держал! Жрать чужой хлеб, пить чужое вино и тут же поливать хозяина грязью — как только кусок в горле не застрял, а утроба не сгнила от собственной подлости?! Если бы не эти презируемые вами воины, что проливают кровь на границах и ложатся костями в землю, вы бы сейчас пресмыкались перед иноземными варварами, влача жалкое, скотское существование! Какое право имеешь ты, никчёмный слизняк, разевать пасть на тех, кто вас защищает?!

Цзин Юньшу в своей прошлой жизни вырос в семье кадрового военного, его дед был закалённым в боях ветераном, незаслуженно пострадавшим в годы чисток, и парень органически не выносил кабинетных хлыщей, презирующих ратный труд.

У Чэнсюань так и застыл у входа, не решаясь переступить порог. Сквозь полупрозрачную ткань ширмы он смотрел на хрупкий силуэт юноши в мягком свете свечей. Впервые в жизни кто-то защищал его. Без страха, без оглядки на чины и приличия, не пытаясь замять ссору или сгладить углы. Этот человек просто заслонил его собой от чужой злобы.

Получить такую пощёчину при всех — для спесивого Шэнь Эрлана это было чересчур. Он побагровел и рванулся вперёд, готовый пустить в ход кулаки, но Ван Вэньсюань вовремя удержал его за рукав, негромко предостерегая:

— Остынь. Забыл, где находишься? Это сад Су, и наставник Чай всё ещё здесь.

Затем Ван Четвёртый перевёл ядовитый взор на Юньшу и процедил:

— Молодой господин Цзин так усердно изливает благородный гнев... Не ради ли дешёвой славы? Впрочем, обделённому талантом бедолаге только и остаётся, что искать покровительства у столь же тёмного в изящных искусствах принца Чу. Стал бы кто-то другой мारать о тебя руки? Или, быть может, перед тобой открыты иные двери?

Юньшу от возмущения едва не расхохотался.

"Я не знаю поэзии?! — пронеслось в его голове. — Да я вас шедеврами пяти тысяч лет китайской истории заживо похороню!"

Он резко повернулся к замершей в углу служанке:

— Ступай немедленно к главе Чаю и хозяину Мао. Проси их прийти сюда. Живо!

Девушка, испуганно поклонившись, растворилась в полумраке коридора.

Юньшу вновь смерил противников уничтожающим взглядом:

— Раз уж вы мните себя великими ценителями слова, поступаем так. Пусть наставник Чай лично выберет тему и рассудит нас. Если моё стихотворение удостоится его высокой похвалы — что вы тогда запоёте?

Непоколебимая уверенность Юньшу заставила Шэнь Эрлана поумерить пыл. Он невольно замялся.

— Что притихли? — подначил их Юньшу. — Только что лаяли наперебой, а как дошло до дела — поджали хвосты?

— Кто поджал?! — взвизгнул Шэнь Эрлан, вытягивая шею от ярости. — Принимаю вызов! Будь по-твоему!

Ван Вэньсюань прищурился и вкрадчиво заметил:

— Наставник Чай, как известно, делит все стихи на пять разрядов.

Эта подсказка тут же вернула Шэнь Эрлану былую спесь:

— Точно! Пусть глава Чай назовёт тему. Если твоё творение признают достойным первого или хотя бы второго разряда — признаем твоё превосходство! Но учти, за последние годы стихов второго разряда во всём Янчжоу едва ли наберётся с горсть!

— Отлично. Пусть все присутствующие будут свидетелями, — твёрдо произнёс Юньшу. — Если я выиграю, вы во всеуслышание принесёте извинения Его Высочеству принцу Чу и впредь не посмеете распускать свои грязные языки у него за спиной. А если проиграю я...

— На колени встанешь! — перебил его Шэнь Эрлан с кровожадной ухмылкой. — Будешь подносить нам чай да дедушками величать!

Юньшу проигнорировал его шутовство и посмотрел прямо в глаза Вану Вэньсюаню:

— У тебя возражения есть?

— Никаких, — холодно обронил тот.

— По рукам! — отрезал Юньшу.

<http://bllate.org/book/18296/1785064>